

Игорь Караулов

«Все перемелют века жернова...»

Родился в 1966 г. в Москве, где проживает и по сей день. Окончил географический факультет МГУ. Работает переводчиком. Автор поэтических книг «Перепад напряжения» (2003), «Продавцы пряностей» (2006), «Упорство маньяка» (2010), «Конец ночи» (2017), «Ау-ау» (2018), «День святого Валентина» (2021). «Моя сторона истории» (2023) Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Арион», «ШО», «Воздух», «Бельские просторы», «Плавучий мост», «Критическая масса» и др. Лауреат Григорьевской поэтической премии (2011), победитель Волошинского конкурса (поэзия, 2017), дипломант премии «Московский счет» (2019).

* * *

Кто умирает в пушкинских местах,
в усадьбе, у посёлка, на мостах,
на повороте, на пустых путях,
запутываясь в облачных сетях,
на железнодорожном полотне,
почти во сне, пока не рассвело,
того прибило к пушкинской родне
взрывной волной, как к берегу весло.
Теперь мы все становимся родня,
теперь мы родом из Больших Вязём,
и в чёрных списках наши имена
готовы вспыхнуть кровью и огнём.

* * *

В парке культуры, в саду наслаждений
нежится юное племя.
Марш довоенный ещё довоенней
стал за последнее время.
Всё довоеннее, всё допотопней
арки и малые формы.
Фрески, мозаики дивных утопий,
коллекционные форды.
Марш метростроевцев, марш краснофлотцев,

брызги беременны тленьем,
будто бы время берут из колодцев
и подают под давлением.
Всё довоенной звучит Риорита,
всё сокровенней Утёсов.
Стынут солонки в местах общепита,
словно фигурки матросов.
Ломтики хлеба на старой газете,
вкрадчивый голос картавый.
Можно увидеть сквозь дырку в брезенте,
как догорают кварталы.

* * *

Дачный посёлок в дыму,
в комнате тихое радио.
Я никогда не пойму,
как же меня угораздило.
Как же из небытия,
из полуночного грая
жизнь получилась моя
и не сложилась другая.

Что тут уже понимать,
воздух последний доглатывай.
Вот прибывает опять
поезд на станцию Кратово.
Снова посёлок в дыму,
и из-за рамы оконной
смотрит в вагонную тьму
кто-то другой, нерождённый.

* * *

Я приехал в поместье: рельефные двери
и дворецкий отчаянно лжив-с.
Мне подносят янтарную рюмочку шерри.
В зале смех: это Вустер и Дживс.

Я приехал в поместье – верней, в заповедник,
разгоняя толпу воронья,
и в передней, смутясь, поправляет передник
вечно юная няня моя.

Слышу, вилки гремят и гудят разговоры,
вспоминают далёкие дни.
Выше гор, говорят, могут быть только горы:
горы Пушкина, горы Парни.

На сафьяновых пуфах сидят англоманы:
то ли сплин, то ли русская грусть.
Не разрезав страницы, читают романы,
знают глупости все наизусть.

Мне хотелось бы, чтобы мы все подружились,
словно буквы на жёлтых листах.
Эта живость и эта, прости меня, жимолость,
эти слёзы в ненужных местах.

Поцелуй, что лечат дуэльные раны.
Просвещенья напыщенный пыл.
Я приехал в поместье – безвестный, незванный,
и дворецкий мне дверь не открыл.

* * *

Гуляют по мокрой листве
мамаши, студенты и психи.
Одни проживают в Москве,
а кто-то живёт в Балашихе.

Она разрослась, расплылась,
её не объедешь в два счёта.
Кому-то любовная связь,
кому-то простая работа.

Пивбар, автосервис, детсад –
так жизнь перемелется тихо.

Оденет в последний наряд
жильца своего Балашиха.

Её крабовидную муть
кольцом ограничишь навряд ли,
и вечно запруженный путь
ведёт не из греков в варяги.

Опять замает листва
столицы озябший предбанник,
и в поезде «Горький – Москва»
забытый дрожит подстаканник.

* * *

Вы выжили? Я тоже выжил.
Ну надо ж, как нам повезло.
В меня стреляли вы же, вы же,
но вот я целый, вам назло.
Теперь сидим, как в той «Билингве»
покойной – в чашках самогон.
Я счастлив видеть вас, believe me.
Забудем этот страшный сон.

Нет, выпьем, прежде чем забудем,
за тех, кто погибал в степи,
за тех, кого вы к недолюдям
в своём фейсбуке отнесли.
Ещё за тех, кто в Верхнем Ларсе
с погранохраной воевал,
и кто в Варшаве не сдавался,
и кто в Бишкеке таксовал.
Кто сгинул плотски и духовно
в бесчестье или на войне.
Они теперь все поголовно
на той остались стороне.
Они на той, а мы на этой,
не нам в них обличать изъян.
Налейте бедному поэту,
Демьян он или не Демьян.
Нам снова выходить на сцену
в обнимку, мёртвых веселя.
Да, жизни мы узнали цену,
но сдача велика с рубля.

* * *

Теперь настало время выбирать
не депутата и не ветчину,
а выбирать, за что нам умирать.
Выходит так, что снова за страну.
За три берёзки или три ольхи,
снегами припорошенную даль.
Не за стихи? Пускай и за стихи,
в родном пейзаже малую деталь.
Задумываясь, если б да кабы
ты в ступе столько лет не истолок,
проговоришь «не быть или не быть»
не столь уж и нелепый монолог.
За ту страну, что выйдет из огня –
по нашим спинам – чище и ясней.
За ту страну, что нового меня
однажды восстановит из камней.

* * *

Мы встретимся в кафе «Несвятые святые»
на фоне зимы, на краю России.
На стекле берёзовые узоры,
за окном угадываются Печоры.
Дрогнут колокола, поговорят немного,
и будто бы нет никакого Бога.
А есть тот старик, что глядит сквозь иней.
Он не смотрит на нас, он думает о сыне.
Сын ушёл добровольцем, вроде под Сватово.
Написал: всё есть, ничего не надо мне,
учат как положено, кормят досыта.
Неделю его телефон вне доступа.
Чай стариковский с мятой, с душицей.
Печенье в руках у него крошится.

* * *

На столе мировой закусон,
за окошком война мировая.
Чуть колышется спальный вагон
и на стыках дрожит, обмирая.
Где ирония, там и судьба.
Замелькали зубастые ёлки.
Кто в Москву прибывает с утра,
тот уже засыпает на полке.
Всё раздолье теперь остальным –
на котором очнутся вокзале?
Там с земли поднимается дым,
там и рельсы небось разобрали.
Я поближе придвинусь к тебе,
нам колёса стучат, как копыта.
Погуторим о русской судьбе,
о жокейской судьбе Ипполита.
Может быть, он почует беду
и закается гнать до упора?
Может быть, мы проснёмся на льду,
посредине степного разора?
Но всё катит и катит вагон
с бубенцами небесного лада

в новый год, в новый год, в новый год,
и не кончилась наша баллада.

* * *

Теперь хоть волком вой, хоть ветром вей,
мы заплутали тут,
и понимает инок Филофей,
что наши не придут.
Они размякли на своих морях
и сдали город свой.
У них золотые клетки, говорят,
и полон плен халвой.
Два Рима пало, третий вот стоит
без видимых опор.
Он лист осины, он осенний скит,
вечерний разговор.
Ещё не кремль, не укреплённый град,
а вдохновенный бред,
и наших нет на сотни вёрст подряд,
на сотни лет.
К нам не стремятся братские полки
и не спешит обоз.
Пора бы, инок, намолоть муки:
вот рожь, а вот овёс.
Всё перемелют века жернова,
но ты ещё живой
и обрастают тихие слова
гранитной кожей.

* * *

То и дело ёлки по краям,
и опять всё ёлки да моталки.
А дорога нам – из яма в ям,
на колах ежовые мочалки.
Заплетают санные следы
вьюга аж до самого апреля,
и ямские избы до Орды
пролегли янтарным ожерельем.

Что же мы не видели в Орде?
Лисьи шубы, заячьи ушанки?
Всё у них в Орде, как и везде,
как на каждом нашем полустанке.
Так что лучше скажем тпру да ну –
многовато платим за прогон-то –
и соскочим в вечную весну,
что зажглась в чертогах Ферапонта.
Вот оно и озеро, и лёд,
вот они, заросшие овраги.
Здесь никто нас больше не найдёт,
никакие ханские баскаки.
Здесь нужны терпение и труд,
здесь кольца спаялись половинки.
Здесь нас напоследок отпоют
и айда к цыганам на поминки.

* * *

Станом – примула весенняя,
а глазами будто рысь.
Я люблю твоё веселие,
не люблю твою корысть.
Повзрослевшая в двадцатые,
натерпевшаяся бед,
между пьющими кацапами
что ты делаешь, мой свет?
Дрогнет чашечка кофейная
возле белого лица.
Верно, ты жена трофейная
командарма-удальца.
Прежних золотопогонников
след простыл и путь забыт.
На комодке восемь слоников,
а один вчера разбит.
Грозный лик на шёлке вышили,
алой тканью пальцы жжёт.
Разве вы ещё не слышали,
как поёт нарком Ежов?
Ты подумай, с кем ты дружишься,

наши люди на посту.
Чёрный ворон, что ж ты кружишься,
что ж тебе невоготу?
Ночью всё решим по совести,
кто ударил – не предаст.
А лекарство от бессонницы –
и от жизни в самый раз.

* * *

Я хочу однажды разбудить тебя
и сказать, что кончилась эта война.
Так уже давно заведено у нас.
Так было и когда война началась.
Я вошёл в комнату, лёг на кровать
и шепнул тебе на ухо: пойдём воевать.
То есть сперва чаю попьём с калачом
и вообразим, что мы ни при чём,
а потом подумаем ещё и ещё
и перекинем ремень через плечо.
Кто не хочет вместе, тот пойдёт один,
так и довоевались до зимних льдин.
Только оглянулись, уже новый год,
а за новым годом опять ледоход.
Не в Иерусалиме в следующем году,
а в весеннем Крыме у чаек на виду,
в золотом Херсоне под одной из крыш,
будучи бессонной, притворись, что спишь,
и почти незримый, слышимый едва,
я шепну тебе на ухо главные слова.